

Рудольф Штайнер

Готовясь к шестой эпохе

**Из цикла GA 159: Тайна смерти. Сущность и значение
Средней Европы и европейского народного духа**
перевод с английского

Лекция №13
15 июня 1915 г. Дюссельдорф

Мы собрались сегодня здесь для открытия группы, основанной нашим другом, профессором К. Эта группа желает посвятить себя духовной жизни настоящего и будущего на пути, принятом в нашем Движении. По такому поводу имеет смысл вспомнить, для чего мы собираемся в группы и спросить себя, зачем мы основываем рабочие группы и культивируем в них духовное богатство, которому мы посвящаем свои силы.

Чтобы получить истинный ответ на этот вопрос, давайте поймем, что мы различаем, хотя бы мысленно, между работой в такой группе и другой нашей работой в мире. Те, кто не хочет глубже войти в более сокровенные истины, связанные с духовным прогрессом человечества, могут спросить: нельзя ли нам культивировать духовную науку без образования групп, а просто находить лекторов и давать возможность людям, не знакомым друг с другом, собираться вместе и получать доступ к духовному богатству, о котором мы говорим. Мы, конечно, могли бы действовать и таким образом. Но пока есть хоть малейшая возможность организовывать, в более широком или более узком смысле, ассоциации людей, которые знают друг друга и собираются в этих рабочих группах в дружбе и братстве, мы будем продолжать основывать их с полным сознанием того душевного подхода, который присущ духовной науке. Не лишено своего значения то, что среди нас имеются люди, которые хотят культивировать более сокровенные стороны духовного знания и искренне намереваются работать вместе в братстве и гармонии. Это касается не только взаимоотношений и общения, которые находятся под влиянием того, что мы можем разговаривать между собой совсем иначе, зная, что мы говорим с душами, которые сознательно связали себя с нами, — не только это, следует помнить еще кое-о-чем. Учреждение индивидуальных групп

связано со всей концепцией нашего Движения, если мы понимаем его внутреннюю природу. Все мы должны сознавать, что наше Движение имеет значение не только для существования, известного органам чувств и воспринимаемого внешне-ориентированным сознанием человека, но что с помощью этого Движения наши души ищут действительную и подлинную связь с духовными мирами. Снова и снова и совершенно сознательно мы должны сказать себе, что культивируя духовную науку, мы как бы вводим наши души в сферы, населенные не только земными существами, но также и существами высших иерархий, существами невидимых миров. Мы должны понять, что наша работа имеет значение для этих невидимых миров, что мы фактически находимся в этих мирах. В духовном мире работа, проделанная теми, кто знает друг друга в таких группах, весьма отличается от работы, проделанной вне такой группы и рассеянной по миру. Работа, проделанная в братской гармонии в наших группах, имеет совсем иное значение для духовного мира, чем любая другая работа, которую мы можем предпринять. Чтобы полностью это уяснить, мы должны вспомнить те истины, которые мы изучали во многих аспектах в течение последних лет.

Земное развитие в послеатлантическую эру поддерживалось в начале культурой древнеиндийского периода цивилизации. За этим последовала древнеперсидская эпоха — термин лишь более или менее подходящий, но мы не будем сейчас в это вдаваться. Затем пришел египто-халдейско-вавилонский культурный период, затем греко-латинский, и затем наша пятая послеатлантическая эпоха. Каждая из этих эпох должна была, с одной стороны, культивировать определенную форму культуры и духовной жизни, прежде всего связанной с внешним и видимым миром. Но каждая эпоха должна в то же время подготавливать, содержать в себе на подготовительной стадии то, что должно войти в следующий культурный период.

Как бы в лоне древнеиндийской эпохи была подготовлена эпоха древней Персии; внутри древнеперсидской культуры - египто-халдейская эпоха, и т.д. Наша пятая послеатлантическая эпоха должна подготовить будущую шестую культурную эпоху. Нашей задачей в духовной науке должно быть не только приобретение духовного богатства для нас самих, для вечной жизни души, но и подготовка того, что будет составлять содержание, конкретную внешнюю работу шестой эпохи культуры. Так было в каждой послеатлантической эпохе. Центры мистерий были местами, в которых готовилась форма внешней жизни, принадлежащая следующей эпохе культуры. Мистерии были ассоциациями людей, которые культивировали между собой не то, что культивировалось во внешнем мире. Древняя индийская эпоха была связана с культивированием человеческого эфирного тела, древняя персидская эпоха - астрального тела, египто-халдейская - души ощущающей, греко-латинская - с культивированием души рассудочной или чувствующей. Наша собственная эпоха на своем протяжении разовьет и развернет душу сознательную или духовную. Но то, что даст содержание и характер внешней культуре шестой эпохи, должно быть

подготовлено заранее. Многие черты шестой эпохи культуры будут совершенно отличаться от характеристик нашей эпохи. Можно упомянуть три характерные черты, о которых нам следует понять, что мы будем носить их своих сердцах для шестой культурной эпохи и нашей задачей является подготовка их к этой шестой эпохе.

Сегодня в человеческом обществе не хватает качества, которое в шестую эпоху будет характерным для людей, которые достигнут цели той эпохи и не сойдут с пути. Это качество, конечно, нельзя будет найти среди тех, кто в шестой эпохе все еще будет находиться на стадии дикарей или варваров. Одной из наиболее существенных характеристик черт людей, живущих на Земле на пике культуры шестой эпохи, будет определенное моральное качество. Слишком мало этого качества заметно в современном человечестве. Человек сегодня должен быть тонко организован в своей душе, чтобы чувствовать боль, когда он видит, что другие люди в мире находятся в менее благоприятных условиях, чем он сам. Правда, более тонко организованные натуры чувствуют боль от страдания, которое так распространено в мире, но это касается только людей особенно чувствительных. В шестой эпохе самые высоко культурные люди будут не только чувствовать боль, как такую, которая сегодня вызывается видом бедности, страдания и нищеты в мире, но такие люди будут испытывать страдание другого человека как свое собственное. Если они увидят голодного человека, они будут чувствовать голод прямо на физическом уровне и настолько остро, что голод другого человека будет для них непереносим. Моральная характеристика, обозначенная здесь, состоит в том, что, в отличие от состояния пятой эпохи, в шестой эпохе благосостояние индивидуума будет полностью зависеть от благосостояния всего целого. Так же, как в настоящее время благосостояние отдельной конечности человека зависит от здоровья всего тела, и, когда все тело не здорово, тогда и конечность плохо работает, так в шестой эпохе общее сознание укрепитя в тогдашнем цивилизованном человечестве в гораздо большей степени, чем конечность ощущает здоровье всего тела, индивидуум будет чувствовать страдание, нужду, бедность или богатство всего целого. Это первая выдающаяся моральная черта, которая характеризует культурное человечество шестой эпохи.

Второй фундаментальной чертой будет то, что все, что мы называем сегодня плодами веры, будет в гораздо более высокой степени чем сегодня зависеть от конкретной индивидуальности. Духовная наука выражает это, говоря о том, что в шестой эпохе в каждой сфере религии в людях настолько укрепитя полная свобода мысли и стремление к ней, что полностью во власти собственной индивидуальности человека будет избирать предмет веры и каких религиозных убеждений придерживаться. Коллективные верования, которые существуют сегодня в многочисленных формах в разнообразных общинах, не будут больше оказывать влияния на тех, кто будет составлять цивилизованную часть человечества в шестой эпохе культуры. Каждый

человек будет ощущать, что полная свобода мысли в области религии - одно из основополагающих прав человека.

Третьей чертой будет то, что в шестой эпохе люди будут считаться имеющими реальное знание только тогда, когда они признают духовное, когда они знают, что духовное проникает в мир и что человеческие души должны объединиться с духовным. То, что сегодня называют наукой с ее материалистическими тенденциями, не будет заслуживать названия науки в шестой послеатлантической эпохе. Она будет считаться устаревшим суеверием, способным удовлетворить только тех, кто остался на стадии прошедшей пятой послеатлантической эпохи. Сегодня мы считаем суеверием если, скажем, дикарь думает, что если какую-нибудь конечность отделить от его тела в момент смерти, то он не сможет целиком войти в духовный мир. Такой человек еще соединяет идею бессмертия с чистым материализмом, с верой, что отпечаток его целой формы должен войти в духовный мир. Он мыслит материалистически, но при этом верит в бессмертие. Мы же, зная из духовной науки, что духовное должно быть отделено от тела и что только духовное входит в сверхчувственный мир, относимся к такой материалистической вере в бессмертие как к суеверию. Точно так же в шестой эпохе все материалистические верования, включая также и науку, будут расцениваться как устаревшие суеверия. Люди в порядке вещей будут принимать за науку только такие формы знания, которые основаны на духовном, на пневматологии.

Вся цель духовной науки и состоит в том, чтобы подготовиться таким образом к шестой эпохе культуры. Мы пытаемся культивировать духовную науку, чтобы преодолеть материализм, чтобы подготовить такую науку, которая должна будет существовать в той эпохе. Мы основываем человеческие общины, в которых не должно быть никаких догматических верований или какой-либо тенденции принимать учение просто потому, что оно исходит от одного или другого человека. Мы основываем человеческие общины, в которых все, без исключения, должно быть построено на свободном согласии души с учением. Здесь мы подготавливаем то, что духовная наука называет свободой мысли. Собираясь вместе в дружеских ассоциациях с целью культивирования духовной науки, мы подготавливаем культуру, цивилизацию шестой послеатлантической эпохи.

Но нам нужно еще глубже рассмотреть течение человеческой эволюции, чтобы полностью понять реальные задачи наших групп и ассоциаций. В первой послеатлантической эпохе люди тоже в общинах, которые в те времена были связаны с мистериями, культивировали то, что впоследствии возобладало во второй эпохе. В ассоциациях, характерных для первой, древнеиндийской эпохи, люди занимались культивированием астрального тела, которое должно было стать конкретной внешней задачей второй эпохи. Мы бы сегодня ушли слишком далеко, пытаясь описать, что, в противоположность внешней

культуры времени, развивалось в этих ассоциациях, характерных для древней Индии, с целью подготовки к второй, древнеперсидской эпохе. Но можно сказать следующее: когда те люди древней индийской эпохи собирались вместе, чтобы готовить то, что было необходимо для второй эпохи, они ощущали: Мы еще не достигли, ни имеем в себе того, что мы будем иметь, когда наши души воплотятся в следующей эпохе. Оно пока только витает над нами. Это действительно было так. В первую эпоху культуры то, что должно было опуститься с небес на землю во второй эпохе, все еще витало над душами людей. Работа, предпринимаемая на земле людьми в тесном кругу собраний, связанных с мистериями, была такой природы, что силы восходили к духам высших иерархий, позволяя им лелеять и возвращать то, что должно было излиться в души людей как сущность и содержание астрального тела во второй, древнеперсидской эпохе. Силы уже более зрелые, спускавшиеся в души, воплощенные в телах древнеперсидских цивилизаций, в первой эпохе были подобны маленьким детям. Силы, текущие ввысь от работы людей для подготовки к следующей эпохе, были получены и взлелеяны духовным миром. Так должно происходить в каждой эпохе культуры.

В нашу эпоху душа сознательная или духовная развилась в нас посредством нашей обычной цивилизации и культуры. Начиная с четырнадцатого, пятнадцатого и шестнадцатого столетий наука и материалистическое сознание оказывают сильное влияние на человека. Оно еще расширится до конца пятой эпохи. В шестую эпоху, однако, в душах людей должен будет развиваться само-дух, также, как теперь развивается душа сознательная. Природа самодуха такова, что он предполагает существование в душах людей трех характерных черт, о которых я говорил; т.е. общественной жизни, в которой преобладают братство, свобода мысли и пневматология. Эти три характерные черты необходимы для человеческой общины, в которой будет развиваться само-дух, как теперь, в пятую эпоху, развивается душа сознательная. Поэтому мы можем представить, что, когда мы объединяемся в братстве в рабочих группах, что-то невидимо витает над нашей работой, что-то подобное еще ребенку сил само-духа, само-духа, который взлелеют существа высших иерархий, чтобы он мог струиться в наши души, когда они снова появятся на земле в шестой эпохе цивилизации. В наших группах мы выполняем работу, которая течет ввысь, соединяясь с силами, готовящимися для само-духа.

Так что вы видите - только с мудростью самой духовной науки мы можем понять, что на самом деле происходит с нашей связью с духовными мирами, когда мы собираемся вместе в эти рабочие группы. Мысль о том, что мы делаем эту работу не только ради нашего собственного эго, но для того, чтобы она могла струиться ввысь в духовные миры, мысль о том, что эта работа связана с духовными мирами - вот истинное предназначение рабочих групп. Лелеять такую мысль значит проникнуться непосредственно сознанием предназначения, которое является основой рабочих групп в нашем движении. Поэтому очень важно осознать этот факт в его истинном духовном смысле. Мы с вами находимся в рабочих группах, которые,

помимо культивирования духовной науки, основаны на свободе мысли. Они не будут иметь ничего общего с догмой или принуждением веры, и их работа должна иметь характер кооперации между братьями. Что имеет значение прежде всего - это осознать истинное значение идеи общины, говоря себе: Помимо того, что мы как современные люди принадлежим пятой послеатлантической культурной эпохе и развиваемся как личности, все более выделяя индивидуальную жизнь из жизни общины, мы должны, в свою очередь, осознать более высокую форму общины, основанную на свободе любви между братьями, как на чудесном дыхании, которое мы вдыхаем в наши рабочие группы.

Глубокое значение для западно-европейской культуры вытекает из того, что пятая послеатлантическая эпоха стремится к душе сознательной. Задача западно-европейской культуры, и, в частности, центрально-европейской культуры, состоит в том, чтобы люди развили индивидуальную культуру, индивидуальное сознание. В этом задача нынешней эпохи. Сравните нашу эпоху с греко-римской. В греческой эпохе, особенно среди цивилизованных греков, поразительно проявляется сознание жизни в групповой душе. Человек, который родился и жил в Афинах, ощущал себя более и прежде всего "афинянином". Эта община города и того, что принадлежало городу, означала нечто большее для человека по сравнению с тем, что человеческая община означает сегодня. В наше время человек стремится вырасти за пределы общины, и это правильно для пятой послеатлантической эпохи. В Риме человек был более и прежде всего римским гражданином и никем иным. Но в пятой эпохе мы стремимся прежде всего остального быть человеком в нашем самом внутреннем существе; человеком и никем иным. Больно в наше время видеть, как люди на Земле воюют друг с другом, но это, в конце концов, лишь реакция на непрерывное стремление пятой эпохи к свободному развитию "общего человеческого". Поскольку различные страны и народы во враждебности закрываются от друг друга, сегодня тем более необходимо развивать в противовес этому силу, которая позволяет людям быть людьми в полном смысле слова, а человеку вырастать за пределы любой общины. Но, с другой стороны, человек должен вполне сознательно подготовить общины, в которые он вполне добровольно войдет в шестой эпохе. Как высокий идеал витает над нами форма общины, которая настолько охватит шестую культурную эпоху, что цивилизованные люди вполне естественно будут относиться друг к другу как братья и сестры.

Из многочисленных лекций, данных в прошлые годы, нам известно, что Восточную Европу населяет народ, особая миссия которого в шестой эпохе, и не ранее шестой эпохи, будет состоять в том, чтобы в определенной форме проявить те начальные силы, которые эти люди носят в себе. Мы знаем, что русские люди не будут готовы ранее шестой культурной эпохи развернуть эти силы, которые теперь находятся в них в начальной форме. Миссия Западной и Центральной Европы состоит в том, чтобы выдвинуть человеческие качества, которые может предоставить душа сознательная. Это не является

миссией Восточной Европы. Восточная Европа должна будет дожидаться, когда само-дух приблизится к земле и сможет проникать души людей. Это следует правильно понять. Будучи понято неправильно, это может легко привести гордыне и высокомерию, именно на Востоке. Вершина послеатлантической культуры будет достигнута в пятой эпохе. То, что последует в шестой и седьмой эпохах, будет нисходящей линией развития. Однако это нисходящее развитие в шестой эпохе будет инспирировано, проникнуто само-духом. Сегодня человек Восточной Европы чувствует инстинктивно, хотя часто испорченным инстинктом, что это так; его осознание этого в основном очень туманно и запутано. Частое использование термина "русский человек" весьма характерно. Дух выражает себя в языке, когда, вместо того, как мы говорим на Западе: британец, француз, итальянец, немец — Восточная Европа говорит "русский человек". Многие в русской интеллигенции придают значение использованию выражения "русский человек". Это глубоко связано с духом конкретной культуры. Сам этот термин ссылается на элемент человечности, братства, который распространяется на всю общину. Делается попытка указать на это включением слова, которое вносит сюда "человечность". Но также очевидно, что вершина, которая будет достигнута в отдаленном будущем, еще не достигнута, поскольку термин включает и слово, которое явно противоречит существительному. В выражении "русский человек" прилагательное по существу отрицает то, что выражает существительное. Ибо когда достигается истинная человечность, рядом не должно быть никакого прилагательного, указывающего на какую-либо исключительность.

Однако на гораздо более глубоком уровне у представителей русской интеллигенции имеется понимание, что в будущие времена должна преобладать концепция общины, братства. Русская душа ощущает, что само-дух должен прийти, но он сможет прийти только в общину людей, проникнутых сознанием братства, он никогда не сможет распространиться в обществе, где нет никакого представления о братстве. Вот почему русские интеллектуалы, как они себя называют, делают следующий упрек Западной и Центральной Европе. Они говорят: "Вы совсем не принимаете во внимание жизнь истинной общины. Вы выращиваете только индивидуализм. Каждый хочет быть сам по себе, только отдельной личностью. Вы доводите личностный элемент, с помощью которого каждый отдельный человек чувствует себя индивидуальностью, до чрезмерного." Вот что доносится с Востока к Западной и Центральной Европе в многочисленных упреках в варварстве и т.п.. Те, кто пытаются понять, как обстоят дела на самом деле, обвиняют Западную и Центральную Европу в том, что они утратили какое-либо ощущение взаимосвязей между людьми. Путая настоящее и будущее, как это происходит нынче, эти люди говорят, "только в России существует истинная и подлинная община жизни для людей, жизни, где каждый чувствует себя братом другому, "ближним отцом" или "ближней матерью" другому." Русская интеллигенция говорит, что христианству Западной Европы не удалось развить сущность человеческой общины, но русские еще знают, что такое община.

Александр Герцен, превосходный мыслитель, живший в девятнадцатом веке и принадлежавший к русским интеллектуалам, пришел к следующему заключению: "В Западной Европе никогда не может быть счастья." Какие бы попытки не предпринимались, счастье никогда не придет в западноевропейскую цивилизацию. Там человечество никогда не найдет удовлетворения. Там может преобладать только хаос. Единственное спасение находится в природе русского человека и русском образе жизни, в котором люди не отделили еще себя от общины и в их деревенских общинах осталось еще что-то от природы групповой души, которой они ревностно держатся. То, что мы называем групповой душой, из которой человечество постепенно выросло и в которой еще обитает животный мир, - вот что русская интеллигенция уважает в своем народе как нечто великое и значительное. Они не могут подняться до мысли, что община будущего должна витать над нами как высокий идеал, идеал, который еще нужно осознать. Они твердо придерживаются мысли: Мы - последний народ в Европе, который смог сохранить жизнь в групповой душе; другие выросли из нее; мы сохранили ее и должны сохранить ее для себя.

Да, но эта жизнь в групповой душе в действительности совсем не относится к будущему, поскольку это древняя форма существования групповой души. Если бы она продолжила свое существование, это была бы люциферическая групповая душа, форма жизни, которая осталась на более ранней стадии развития, тогда как форма жизни групповой души, которая является истинной и к которой следует стремиться - это то, что мы пытаемся найти в духовной науке. Но как бы там ни было, в желании и стремлении русских интеллектуалов мы видим, что для нисхождения само-духа необходим дух общины. Так же, как там к нему идут по ложному пути, так его следует добиваться в духовной науке, следуя истинным путем. И мы хотели бы сказать Востоку следующее: Наша задача - полностью превозмочь как раз то, что вы пытаетесь сохранять во внешней форме, а именно, старую люциферически-ариманическую форму общины. В общине люциферически-ариманического характера будет такое же жесткое принуждение веры, как то, которое установила Русская Православная Церковь в России. Такая община не поймет истинной свободы мысли; менее всего она сможет подняться до уровня, на котором полностью развитая индивидуальность ассоциируется с общественной жизнью, в которой преобладает братство. Предлагаемая ими форма общины хотела бы сохранить то, что осталось от братства, основанного на крови, братства исключительно по крови. Община, основанная не на крови, а на духе, на общине душ, - вот то, чего следует добиваться на путях духовной науки. Мы должны стараться создавать общины, в которых фактор крови больше не будет приниматься во внимание. Естественно, фактор крови будет продолжать действовать, он будет жить в семейных отношениях, ибо не может исчезнуть то, что должно остаться. Но должно возникнуть что-то новое! Существенные свойства, присущие ребенку, сохраняются и в пожилом человеке, но в свои зрелые годы человек должен впитать новые силы.

Фактор крови в будущем не будет охватывать большие человеческие общины. В этом состоит ошибка, которая пробивается с Востока в ужасные события настоящего времени. Война разгорелась под лозунгом общины славянских народов, основанной на крови. В эти роковые времена вмешиваются все те элементы, о которых мы только что слышали и в которых в действительности имеется правильное ядро, т.е. инстинктивное ощущение, что само-дух может проявиться лишь в общине, в которой преобладает братство. Однако это не должна быть община, основанная на крови; это должно быть сообщество душ. То, что вырастает как сообщество душ из еще детской стадии - это мы и развиваем в наших рабочих группах. То, что крепко держит Восточную Европу в плену групповой души, заставляя ее считать славянскую групповую душу тем, от чего она не хочет отказаться, а, напротив, видит в этом принцип для всего развития государства — это нужно будет преодолеть.

Перед глазами всего мира стоит огромный и страшный символ. Подумайте о двух государствах, где война имела отправную точку. С одной стороны, Россия со всем славянским миром заявляет, что война основана на братстве крови, а с другой стороны, Австрия, которая включает в себя тринадцать разных народов и тринадцать разных языков. Приказ о мобилизации в Австрии должен был выходить на тринадцати языках, потому что Австрия охватывает тринадцать этнических групп: немцы, чехи, поляки, рутены [русины?], румыны, венгры, словаки, сербы, хорваты, словены (среди которых имеется и второй отдельный диалект), боснийцы, далматы и итальянцы. Тринадцать различных этнических групп, не считая более мелких различий, объединились в Австрии. Как бы ни толковали значение этого факта, очевидно, что Австрия состоит из сообщества людей, среди которых община никогда не может быть основана на кровном родстве, ибо ее странные границы содержат тринадцать разных генеалогий. Наиболее сложно-организованное государство в Европе противостоит государству, которое наиболее интенсивно стремится к жизни в групповой душе или единообразию. Но это стремление к жизни в групповой душе приносит с собой и многое другое. Это приводит нас к еще одному вопросу, значение которого мы рассмотрим сегодня.

Вчера в открытой лекции я упомянул крупного философа Соловьева, одного из самых значительных мыслителей в России. Соловьев - выдающийся мыслитель, но насквозь русский мыслитель, ум, который чрезвычайно трудно понять с западноевропейской точки зрения. Однако антропософам следует изучить его работы и попытаться понять его. Я предлагаю более близко рассмотреть основную и центральную идею Соловьева. Соловьев слишком хороший философ, чтобы безоговорочно принять принцип жизни в групповой душе. Он сомневается и во многих отношениях не соглашается с этим. Но одна идея преобладает в нем, хотя и не вполне осознанно, это верно, но таким образом, что хочется только пожелать, чтобы он был

ясновидящим и мог предвосхитить то, что его душа увидит на земле, когда воплотится в шестой культурной эпохе. Следующая концепция, чрезвычайно трудная для понимания людей Западной и Центральной Европы, стала основной и центральной в его мышлении.

В Западной Европе, готовясь к шестой эпохе, мы пытаемся понять помимо многого другого и смысл смерти, значение смерти для жизни. Мы пытаемся понять, каким образом смерть является проявлением одной из форм существования и каким образом душа преобразуется во время смерти в другую форму существования. Мы описываем жизнь человека в теле и то, какова жизнь между смертью и новым рождением. Мы стараемся понять смерть, преодолеть смерть пониманием, что она есть только подобие, что душа поистине продолжает жить, после того как переступает порог смерти. Для нас существенно преодолеть смерть пониманием. И здесь мы подходим к одному из пунктов, в действительности к одному из самых существенных пунктов, по которым духовная наука расходится с центральной идеей, проводимой великим российским мыслителем Соловьевым. Его идея состоит в следующем: в мире существует зло, неправда. Если мы, в своих ощущениях, воспринимаем зло и неправду, мы не можем отрицать, что в мире много того и другого. Это, говорит Соловьев, опровергает божественность мира, поскольку, воспринимая мир в своих ощущениях, как мы можем поверить в божественность мира, ведь в божественном мире не может проявляться зло! Но мы везде воспринимаем зло, и высшее зло есть смерть. Поскольку миру присуща смерть, мир открывается нам во всем своем зле и неправде. Смерть есть высшее зло!

Такую характеристику Соловьев дает миру. Он говорит — я цитирую почти дословно: Посмотрите на мир своими обычными органами чувств; попытайтесь понять его своим обычным рассудком. Вы никогда не сможете отрицать существование зла в мире, и пытаться понять смерть - абсурдно! Смерть существует. Знанию, полученному в ощущениях, открывается мир зла и неправды. Можем ли мы поверить, спрашивает Соловьев, что этот мир божественен, если мы видим, что он полон зла, видим смерть на каждом шагу? Мы также никогда не сможем поверить, что мир, в котором мы видим смерть, это божественный мир. Ибо в Боге не может быть зла, неправды и, прежде всего, высшего зла - смерти. В Боге не может быть смерти. Поэтому если бы Бог пришел в мир (Я повторяю практически дословно что говорит Соловьев), — если бы Бог явился в мире, смогли бы мы сразу поверить, что он Бог? Нет, не смогли бы! Он должен сначала доказать свою божественную природу. Если бы явилось существо, провозглашающее, что оно - Бог, мы не должны были бы ему верить. Он должен был бы доказать свою божественность, предложив нечто вроде всемирного свидетельства, которое позволило бы нам признать его как Бога! Ничего подобного в мире нет. Бог не может доказать свою божественность тем, что есть в мире, ибо все, что есть в мире, противоречит божественной природе. Как же он может доказать свою божественность? Только показав, прийдя в мир, что он победил смерть, что смерть не имеет над ним

никакой власти. Мы никогда бы не поверили, что Христос есть Бог, если бы Он не доказал свою божественность. Но Христос сделал это, когда Он воскрес, когда Он показал, что в Нем нет высшего зла, смерти.

Так говорит Соловьев. Это сознание божественного, полностью основанное на фактическом, историческом воскресении Христа, который как Бог доказывает свою божественность. Соловьев продолжает: Ничто в мире, за исключением лишь Воскресения, не позволяет нам понять, что Бог существует. Если Христос не воскрес, вся наша вера напрасна, и все, что мы могли бы сказать о божественной природе в мире, также напрасно. Соловьев снова и снова повторяет эти слова Св. Павла.

Таково в своей основе мировоззрение Соловьева. Когда мы смотрим на мир, мы видим в нем только зло, неправду, упадок, бессмысленность. Если бы Христос не воскрес, мир был бы лишен смысла, поэтому Христос воскрес! Обратите внимание на эту фразу, это - основополагающее заявление одного из величайших мыслителей Восточной Европы: "Если бы Христос не воскрес, мир был бы лишен смысла, поэтому Христос воскрес". Соловьев сказал так: "Могут найтись люди, которые посчитают нелогичным мое утверждение о том, что если бы Христос не воскрес, мир был бы лишен смысла; поэтому Христос воскрес — но это гораздо логичнее всего, что можно сказать против этого."

На этом любопытном примере свидетельства божественности Бога, который мы находим в работах Соловьева, я привел вам конкретный пример необычности мышления в Восточной Европе. Любопытные мысли возникают в попытках понять, какими средствами Бог может неоспоримо доказать, что он Бог. И как это отличается от Запада и Центральной Европы! Какова цель духовной науки? Постарайтесь подумать и сравнить, что мы пытаемся культивировать в духовной науке? Каковы ее цель и направление? Нашей целью и стремлением является прийти на основе знания к тому, что мир имеет смысл, значение и цель, и что он не просто полон зла и распада. Наша цель - понять, исходя из непосредственного знания, что мир имеет смысл. Таким познанием мы стараемся подготовиться к фактическому переживанию Христа. Мы желаем постигать живого Христа, принимая все это, конечно, как дар, как милость. Мы понимаем, что заключено в словах: "Я с вами всегда до скончания мира." Мы принимаем все, что Христос неустанно предвещает нам. Ибо Он говорит не только в Евангелиях; Он говорит также в наших душах. Вот что заключено в Его словах: "Я с вами всегда до скончания мира." Всегда Его можно найти как живого Христа. Мы хотим жить в Нем, принять Его в себя.

"Не я, но Христос во мне!" Из всех высказываний Св. Павла это для нас наиболее значительное. "Не я, но Христос во мне!" Ибо таким образом мы понимаем: Куда бы мы ни обратились, открываются цель и

смысл. Фауст выразил ту же истину, когда он описал свою философию следующими словами:

Могучий дух, ты все мне, все доставил,
О чем просил я. Не напрасно мне
Свой лик явил ты в пламенном сиянье.
Ты дал мне в царство чудную природу,
Познать ее, вкусить мне силы дал;
Я в ней не гость, с холодным изумленьем
Дивящийся ее великолепью, -
Нет, мне дано в ее святую грудь,
Как в сердце друга бросить взгляд глубокий.
Ты показал мне ряд живых созданий,
Ты научил меня увидеть братьев
В волнах, и в воздухе, и в тихой роще.
Когда в лесу бушует ураган
И повергает ближние деревья,
Ломаясь с треском, богатырь-сосна,
И холм ее паденью глухо вторит, -
В уединенье ты меня ведешь
И сам себя тогда я созерцаю
И вижу тайны духа моего.

(И. В. Гете "Фауст", ч. I, сц. 14; перевод Н. Холодковского)

Эти слова указывают на духовное понимание внешнего и внутреннего мира, всемирной цели, смысла самой смерти и понимание, что смерть есть переход от одной формы жизни к другой. В стремлении к живому Христу мы также следуем за ним и в смерть, и в Воскресение. Мы не делаем Воскресение отправной точкой, как человек Восточной Европы. Мы следуем за Христом, позволяя войти в нас Его инспирации, принимая Его в наши имажинации. Мы следуем за Христом к смерти. Мы следуем За ним не только говоря: *Ex Deo nascimur*, из Бога мы рождены; но и: *In Christo morimur*, во Христе мы умираем.

Мы тщательно исследуем мир и знаем, что мир сам является свидетельством, в котором Бог проявляет Свою божественность. Пытаясь испытать и понять творческую силу духовного, мы на Западе не можем сказать, что если бы Бог явился в мир, нам понадобилось бы свидетельство Его божественности, мы, скорее, стремимся находить Бога повсюду: в природе и в человеческих душах.

Итак, этой пятой послеатлантической эпохе цивилизации требуется то, что мы развиваем и культивируем в наших группах. Ей требуется сознательное культивирование духовной ауры, которая пока еще витает над нами, лелеемая духами высших иерархий, и которая потечет в души людей, когда они будут жить в шестой эпохе. Это не наш путь:

обратиться, как в Восточной Европе, к жизни групповой души, которая мертва, к форме общины, которая является лишь пережитком прошлого. Наши усилия должны лелеять и культивировать живую действительность начиная с ее детского периода — таково сообщество наших групп. Это не наш путь: искать голос крови, созывать только тех, кого объединяет кровь, и это же культивировать в общине. Наша цель - созвать людей, которые решили быть братьями и сестрами и над которыми парит нечто, что они стремятся развить, культивируя духовную науку, ощущая добрый дух братства, витающего над ними.

На открытии одной из наших групп в этом состоит мысль посвящения, которую мы вберем в себя. Этому мы посвящаем группу в момент ее основания. Община и оживление жизни! Мы ищем общину выше нас, живого Христа в нас, Христа, который не нуждается ни в каком свидетельстве и ни в каком подтверждении, потому что мы переживаем Его в себе. В момент основания группы мы возьмем такой девиз ее посвящения: община выше нас, Христос в нас. Кроме того, мы знаем, что если двое, или трое, или семеро или многие объединены в таком смысле во имя Христа, Христос поистине живет в них. Все те, кто в таком смысле признают Христа своим Братом, сами являются сестрами и братьями. Христос признает своим братом того, который признает братьями других людей.

Если мы способны воспринять такие слова посвящения и продолжить нашу работу в согласии с ними, истинный дух нашего Движения будет господствовать во всем, что мы делаем. Даже в эти трудные времена наши друзья приехали к нам из других мест, чтобы связать себя с теми, кто основал здесь группу. Это - хорошая традиция, ибо таким образом те, кто пробуждается в других группах, смогут донести в другие места слова посвящения. Они поручаются постоянно думать о тех, кто взял на себя обязательство в этой группе совместно работать в согласии с истинным духом нашего Движения. Невидимая община, которую мы хотели бы заложить своей работой, будет таким образом расти и развиваться. Если такой подход в соединении с нашей работой распространится шире, тогда мы используем во благо требования, предъявляемые духовной наукой ради прогресса человечества. Тогда мы сможем рассчитывать на то, что великие мастера мудрости, которые направляют человеческое развитие и познание, будут с нами. В той мере, в которой вы здесь работаете в смысле духовной науки, в той же мере, я это вполне хорошо знаю, великие мастера, направляющие нашу работу из духовных миров, будут среди нас в наших трудах.

Я призываю к тому, чтобы труды этой группы осенили сила, милосердие и любовь тех мастеров мудрости, которые ведут и направляют работу, совершаемую нами в братстве в подобных группах. Я призываю милосердие, силу и любовь мастеров мудрости, непосредственно связанных с силами высших иерархий. Пусть пребудет с этой группой дух добра, который находится в вас, великие мастера

мудрости, и пусть также работает и преобладает в этой группе истинный дух нашего Движения!